

УДК 81'373:811.511.132:639.1.057.3.4

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327

Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке

А. Н. Ракин

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская федерация,
anatolij.rakin@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена лексике охотничьего промысла в коми языке. Предметом исследования являются обозначения, относящиеся к субъекту охоты, которые образуют отдельную микросистему и отличаются от других компонентов охотничьей лексики своей структурной организацией, собственным составом объектов номинации и предназначенным для их номинации набором номинативных средств, а также происхождением. Анализ фактического материала, принадлежащего в основном коми литературному языку, проводится с применением как диахронических, так и синхронных методов лингвистического исследования. Исконная часть данной лексико-тематической группы коми языка обладает двумя компонентами древней лексики: прафинно-пермским и пракоми. Названия праруральского, прафинно-угорского и прапермского происхождения здесь отсутствуют. Иноязычная группа названий состоит из немногочисленных по своему составу поздних заимствований, проникших из одного внешнего источника.

Цель: установить системные признаки, присущие исследуемой микросистеме лексики охотничьего промысла, и этапы её формирования и развития с древнейших времён до наших дней.

Материалы исследования: основным источником фактического материала послужил словарный фонд коми языка, содержащийся в лексикографических изданиях.

Результаты и научная новизна. Впервые в коми языкознании создана концепция лингвистического исследования лексики охотничьего промысла. Определена её структурная организация и особенности, отличающие от других разрядов основного словарного фонда. Разработаны критерии и принципы классификации обозначений, предназначенных для номинации субъекта охотничьего промысла. Установлено соотношение исконной части рассматриваемой микросистемы и заимствований.

В результате выявлено, что большинство названий охотничьего промысла в коми языке относится к исконному фонду словарного состава. Древний фонд представлен названиями пракоми и прафинно-пермского происхождения. Обозначения коми-зырянского происхождения характеризуется использованием и морфологических, и синтаксических способов словообразования.

Ключевые слова: коми язык, лексика, обозначения субъекта охотничьего промысла, исконный словарный фонд, заимствования.

Для цитирования: Ракин А. Н. Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 319–327.

Designations of the subject of hunting in the Komi language

A. N. Rakin

*Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
anatolij.rakin@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the paper is devoted to the vocabulary of hunting in the Komi language. The subject of the study is the designations related to the subject of hunting, which form a separate microsystem and differ from other components of the hunting vocabulary by their structural organization, their own composition of the objects of nomination and the set of nominative means intended for their nomination, as well as by their origin. The analysis of the factual material, which mainly belongs to the Komi literary language, is carried out using both diachronic and synchronic methods of linguistic research. The original part of this lexical-thematic group of the Komi language has two components of the ancient vocabulary: the proto-Finno-Permian and the proto-Komi. The names of the proto-Uralic, proto-Finno-Ugric and proto-Permian origin are absent here. The foreign-language group of names consists of a few late borrowings that have penetrated from one external source.

Objective: to establish the system features inherent in the studied microsystem of hunting vocabulary, and the stages of its formation and development from ancient times to the present day.

Research materials: the vocabulary of the Komi language, contained in lexicographic publications.

Results and novelty of the research: for the first time in Komi linguistics, the concept of linguistic research of hunting vocabulary was created. Its structural organization and features that distinguish it from other categories of the main vocabulary are determined. Criteria and principles of classification of designations intended for the nomination of the subject of hunting are developed. The ratio of the original part of the microsystem under consideration and borrowings is established.

As a result, it was revealed that most of the names of hunting vocabulary in the Komi language belong to the original vocabulary fund. The ancient fund is represented by the names of the proto-Komi and proto-Finno-Permian origin. The designations of the Komi-Zyryan origin are characterized by the use of both morphological and syntactic methods of word formation.

Key words: Komi language, vocabulary, designations of the subject of hunting, original vocabulary fund, borrowings.

For citation: Rakin A. N. Designations of the subject of hunting in the Komi language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 319–327.

Введение

Охота, как и рыболовство, является древнейшим занятием по добыванию средств существования человека. Особенно большую роль она играла в жизни населения северных территорий Земного шара, где суровые природно-климатические условия препятствовали успешному ведению других видов хозяйственной деятельности – земледелия и скотоводства. О древнем происхождении охоты свидетельствуют не только археологические и этнографические данные, но и обозначения таких её атрибутов, как лук (кз. *вудж*), стрела (кз. *ньöв*), копьё (кз. *шы*), которые на протяжении многих тысячелетий оставались основными орудиями лова диких зверей и животных и являлись таковыми вплоть до появления более совершенного огнестрельного оружия. На территории Коми края это произошло в конце XVII – начале XVIII вв. [17, 387]. Коми названия ручных метательных орудий восходят к допермскому периоду – к прауральской и к прафинно-пермской эпохам.

Лексика охотничьего промысла коми языка не однородна. Она состоит из двадцати компонентов, которые отличаются друг от друга не только своим предметно-понятийным содержанием, но и количественными показателями.

К числу компонентов, или иначе микросистем, обладающих наибольшим количеством номинативных единиц относятся следующие группы:

– обозначения действий субъекта охотничьего промысла (108 названий); названия, обозначающие повадки промысловых животных, их состояние и поведение, обусловленные сезонными природными изменениями (70 названий), обозначения охотничьих орудий лова (67 названий), обозначения продукции охотничьего промысла (67 названий), обозначения огнестрельного оружия и боеприпасов (66 названий), обозначения действий, производимых объектом охотничьего промысла (55 названий) и т. д.;

– микросистемы, имеющие в своём составе наименьшее число номинативных единиц: обозначения охотничьего снаряжения и одежды (25 названий), обозначения охотничьих транспортных средств, различных вспомогательных орудий и предметов, используемых непосредственно в процессе охоты или после его завершения (25 названий), обозначения боровой дичи (22 названия), обозначения ручных метательных орудий (19 названий), обозначения охотничьих собак (18 названий), обозначения болотно-луговой дичи (13 названий) и т. д.;

– микросистемы, занимающие среднюю позицию: лексемы, отражающие возрастную и половую дифференциацию объекта номинации, а также их гнездование и выведение потомства (47 названий), обозначения охотничьих угодий, сооружений и построек на них (43 названия), обозначения субъекта охотничьего промысла (39 названий), обозначения водоплавающей дичи (37 названий), обозначения мелких пушных зверей (35 названий) и т. д.

Материалы и методы

Работа является первым опытом системного анализа и описания обозначений субъекта охотничьего промысла, представляющих собой отдельную микросистему в составе охотничьей лексики. До сих пор лингвистическим изучением этой темы никто не занимался.

Основным источником фактического материала послужила соответствующая часть основного словарного фонда коми языка, содержащаяся в лексикографических изданиях [4; 18]. Сопоставительные примеры приводятся из коми-пермяцкого и удмуртского языков [3; 19; 23; 28]. Диахроническая классификация исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников [7; 25; 26; 27]. Состав названий иноязычного происхождения,

их количество и источники устанавливаются с помощью исходных слов из соответствующей литературы по русскому языку [2; 21; 24].

При проведении исследования нами учитывался также этнографический материал, содержащийся в различных публикациях, относящихся к охотничьему промыслу, в том числе в двух крупных монографиях, изданных в прошлом столетии [1; 5].

Исследование в статье проводится по технологии, разработанной её автором несколько лет назад, которая ранее нашла применение при разработке таких тем, как лексика рыболовства [14], метеорологическая лексика [11; 16], ландшафтная лексика [12; 13; 15]. Примеры, отсутствующие в словарях, принадлежат автору статьи, обладающему личным опытом любительской охоты.

Что касается конкретных методов лингвистического исследования, использованных в данной работе, прежде всего следует назвать сравнительно-исторический метод, с помощью которого устанавливаются древние пласты исконной лексики и проводится их периодизация. Приёмы анализа синхронного уровня в статье в основном применяются для классификации материала позднего происхождения и выявления особенностей структурно-словообразовательной системы обозначений субъекта охотничьего промысла в коми языке.

Следует отметить, что подобного рода изыскания предпринимаются и по другим финно-угорским языкам России. В качестве примера можно привести недавно вышедшую статью, посвящённую марийским названиям ловушек [10].

Результаты

Исходя из предметно-понятийного содержания анализируемой лексики, мы выделяем два субъекта охотничьего промысла. Один из них является главным, ему принадлежит определяющая роль в организации охотничьего процесса и добывания промысловых животных. Это охотник. Второй участник представляет собой вспомогательный субъект, являющийся помощником главного субъекта, который выполняет функцию поиска и обнаружения объекта охотничьего промысла. Это охотничья собака.

I. Группа обозначений главного субъекта охотничьего промысла состоит из 39 лексических единиц, относящихся к 29 объектам номинации. По количественным показателям данная микросистема занимает десятое место в системе охотничьей лексики и соседствует с группой об-

щесистемных названий из 41 лексической единицы (23 объекта номинации) и с группой названий водоплавающей дичи из 39 номинативных единиц (21 объект номинации). Среди обозначений главного субъекта охотничьего промысла структурно различаются обозначения, состоящие из одного слова, композиты и составные названия.

Подгруппа первого типа состоит из следующих слов:

- 1) *Вöралысь* 'охотник; промысловик; таёжник'.
- 2) *Капканасысь* 'охотник, применяющий капканы'.
- 3) *Кöчалысь* 'охотник на зайцев'.
- 4) *Кыйсысь* 'охотник, промысловик'.
- 5) *Кыйысь* 'охотник; промысловик'.
- 6) *Лэчкасысь* 'охотник, применяющий силки и ловушки'.
- 7) *Лэчтуясысь* 'охотник, применяющий силки и ловушки'.
- 8) *Прöмышляйтись* 'охотник; промысловик'.
- 9) *Прöмышленник* 'промысловик'.

Перечисленные названия являются отглагольными существительными, образованными суффиксальным способом. Исключение составляет лишь слово *прöмышленник*, являющееся заимствованием из русского языка. Глаголы, использованные для образования данной группы обозначений, также относятся к сфере охотничьей деятельности: *вöравны* 'охотиться, заниматься охотой', *капканасыны* 'охотиться капканом', *кöчавны* 'охотиться на зайцев', *кыйсыны* 'охотиться, заниматься охотой', *кыйны* 'ловить; охотиться', *лэчкасыны* 'охотиться силками и ловушками', *лэчтуясыны* 'охотиться силками и ловушками', *прöмышляйтны* 'заниматься промысловой охотой, охотничьим промыслом; охотиться'. В подавляющем большинстве одночленных обозначений главного субъекта охотничьего промысла присутствует суффикс *-ысь*, имеющий значение «действующее лицо» и являющийся продуктивным словообразовательным средством также во многих других лексических разрядах современного коми языка, например, *уджалысь* 'рабочий', *гижысь* 'писатель', *велöдысь* 'учитель' и т. д. Данный суффикс имеет древнее происхождение (*-is) и генетически тождествен коми-пермяцкому *-ись* (*-ись*) и удмуртскому *ись* (*-йсь*) [20, 156] ср. кп. *вöралысь* 'охотник', *велöтысь* 'учитель', *бöрйись* 'избиратель', удм. *дышетйсь* 'учитель', *гырысь* 'пахарь', *вуриськись* 'портной' и т. д.

Группа структурных единиц второго типа, т. е. представляющих собой композиты, в количественном отношении значительно уступает предыдущей, она состоит из трёх названий:

- 1) *кыйсьысь-вөралысь* 'промысловик';
- 2) *кыйысь-виысь* 'охотник';
- 3) *кыйысь-луйысь* 'охотник'.

Подобного рода обозначения в письменных текстах и лексикографических источниках коми языка, как правило, имеют дефисное написание, с помощью которой фиксируется их различие как от однословных названий, так и от лексических единиц, представляющих собой свободные словосочетания. Особенность обозначений главного субъекта охотничьего промысла данного типа заключается в том, что в их составе первый компонент (*кыйсьысь*, *кыйысь*) имеет два значения: 'охотник' и 'рыболов'. Наличие второго компонента *вөралысь* (букв. лесовик), *виысь* (букв. убивающий), *луйысь* (букв. стреляющий) обусловлен необходимостью конкретизации семантики данных номинативных единиц с целью указать на их принадлежность к лексике охотничьего промысла, а не к рыболовству.

Подгруппа третьего типа номинативных единиц состоит из 27 составных названий. Она не однородна по своему составу.

Часть из них указывает, какими орудиями лова пользуется охотник:

- 1) *казьён кыйсьысь* 'охотник, применяющий тенета' (*казь* 'тенета');
- 2) *лэчьясьён кыйсьысь* 'охотник, применяющий силки и ловушки' (*лэч* 'силки, ловушка');
- 3) *налькйён кыйсьысь* 'охотник, применяющий ловушки' (*нальк* 'слопец');

Следующие номинативные единицы обозначают, кто является предметом добычи охотника:

а) **предмет** добычи – крупные промысловые звери и животные:

- 1) *вөркань кыйысь* 'охотник на рысь' (*вөркань* 'рысь');
- 2) *вөрпорсь кыйысь* 'охотник на кабана' (*вөрпорсь* 'кабан');
- 3) *йёра кыйысь* 'охотник на лося' (*йёра* 'лось');
- 4) *кёин кыйысь* 'охотник на волка' (*кёин* 'волк');
- 5) *кёр кыйысь* 'охотник на оленя' (*кёр* 'олень');
- 6) *латишöг кыйысь* 'охотник на росомаху' (*латишöг* 'росомаху');
- 7) *мой кыйысь* 'охотник на бобра' (*мой* 'бобр');
- 8) *ош кыйысь* 'медвежатник, охотник на медведя' (*ош* 'медведь');
- 9) *руч кыйысь* 'охотник на лису' (*руч* 'лиса');

б) **предмет** добычи – пушные промысловые звери:

- 1) *анча кыйысь* 'охотник на норку' (*анча* 'норка');

- 2) *кöч кыйысь* 'охотник на зайца' (*кöч* 'заяц');
- 3) *низь кыйысь* 'охотник на соболя' (*низь* 'соболя');

4) *сьöдбöж кыйысь*, *чужмёр кыйысь* 'охотник на горностая' (*сьöдбöж*, *чужмёр* 'горностай');

5) *тулан кыйысь* 'охотник на куницу' (*тулан* 'куница');

6) *ур кыйысь* 'охотник на белок' (*ур* 'белка');

в) **предмет** добычи – промысловые птицы:

1) *байдöг кыйысь* 'охотник на куропатку' (*байдöг* 'куропатка');

2) *дозмёр кыйысь* 'охотник на глухаря' (*дозмёр* 'куропатка');

3) *дзодзöг кыйысь* 'охотник на гуся' (*дзодзöг* 'гусь');

4) *сьöла кыйысь* 'охотник на рябчика' (*сьöла* 'рябчик');

5) *тар кыйысь* 'охотник на тетерева' (*тар* 'тетерев');

6) *тури кыйысь* 'охотник на журавля' (*тури* 'журавль');

7) *утка кыйысь* 'охотник на уток' (*утка* 'утка');

Все составные обозначения главного субъекта охотничьего промысла представляют собой двучленные словосочетания, структурные образования с большим количеством частей, например, трёхчленные и четырёхчленные, здесь отсутствуют. Рассмотренные названия данной микросистемы образованы по двум структурным моделям:

1) структурная модель «существительное в творительном падеже + существительное в именительном падеже»: *казьён кыйсьысь* 'охотник, применяющий тенета', *лэчьясьён кыйсьысь* 'охотник, применяющий силки и ловушки', *налькйён кыйсьысь* 'охотник, применяющий ловушки' и т. д. В составе приведённых примеров первый компонент образован с помощью суффикса творительного падежа *-ён*, обладающего значением «орудие действия», который возводится к прапермской морфеме **-Vn* и имеет генетические соответствия в коми пермяцком (*-ён*) и в удмуртском (*-эн*) языках [9, 147]. О происхождении суффикса у второго компонента *-ысь* см. выше.

2) Структурная модель «существительное в именительном падеже + существительное в именительном падеже»: *байдöг кыйысь* 'охотник на куропатку', *дозмёр кыйысь* 'охотник на глухаря', *йёра кыйысь* 'охотник на лося', *кёин кыйысь* 'охотник на волка', *кöч кыйысь* 'охотник на зайцев', *ош кыйысь* 'охотник на медведя', *сьöла кыйысь* 'охотник на рябчика', *тулан кыйысь* 'охотник на куницу', *ур кыйысь* 'охотник на белок' и т. д.

В качестве определяемого компонента в примерах данной структурной модели, как и в предыдущей, выступает слово *кыйысь* 'охотник', определяющие слова обозначают представителей диких животных, которые являются объектом охотничьего промысла. В составе рассматриваемой микро-системы эта подгруппа является самой многочисленной, она состоит из 24 номинативных единиц.

II. Группа обозначений вспомогательного субъекта охотничьего промысла состоит из 17 лексических единиц, относящихся к 10 объектам номинации. По количественным показателям в составе лексики охотничьего промысла она занимает 18 место и соседствует с группой названий ручных метательных охотничьих орудий из 19 обозначений с тринадцатью объектами номинации и с группой обозначений болотно-луговой дичи из 13 лексических единиц с 9 объектами номинации.

Как было отмечено выше, основной функцией вспомогательного субъекта является поиск, нахождение и облаивание зверя, чтобы охотник знал, где находится его «помощник» и преследуемая им добыча.

Для обозначения собаки в коми языке употребляется слово *пон*. Охотничья собака называется *вөралан пон* [4, 514], *кыйсян пон* [18, 592], *прöмышляйтан пон* [4, 535].

На территории Республики Коми наиболее распространёнными являются две породы охотничьих собак: *лайка* (*ур кьян пон*) и *гончая* (*кöч кьян пон*). По мнению специалистов-охотоведов, современная наша лайка является наследницей древней коми-зырянской лайки и представляет собой уникальную охотничью собаку. Она пригодна для охоты почти на всех представителей промысловой фауны, за исключением водоплавающей дичи: на лося, на дикого северного оленя, на медведя, на кабана, на рысь, на росомуху, на куницу, на белку, на норку, на глухаря, на тетерева, из нор выводит горноста, на водоёмах обнаруживает выдру и бобра. Используется для поиска волчьих логов и медвежьих берлог [17, 389].

Кроме рассмотренных выше двух пород традиционных вспомогательных субъектов в коми языке имеются также названия для следующих разновидностей охотничьих собак:

- 1) *борзöй пон* 'борзая собака';
- 2) *кöинö кутчысян пон* 'волкодав';
- 3) *нюр выв пöтка кьян пон* 'леговая собака';
- 4) *ошкö кутчысян пон* 'медвежатник';
- 5) *ош кьян пон* 'медвежатник';
- 6) *утка кьян пон* 'спаниель'.

Среди обозначений вспомогательного субъекта охотничьего промысла структурно различаются однокомпонентные образования и составные названия. В отличие от группы названий главного субъекта здесь композиты отсутствуют.

К числу образований из одного слова относятся следующие лексические единицы:

- 1) *гончöй* 'гончая собака';
- 2) *лайка* 'лайка';
- 3) *пон* 'собака'.

В составе данной подгруппы исконное происхождение имеет лишь обозначение *пон* 'собака', которое является непроемным словом, состоящим только из корневой части, два других названия относятся к заимствованиям.

Второй структурный тип представлен следующими обозначениями:

- 1) *борзöй пон* 'борзая собака';
- 2) *войвыкса лайка* 'северная лайка';
- 3) *вөралан пон* 'охотничья собака';
- 4) *кöчальсь пон* 'гончая собака';
- 5) *кыйсян пон* 'охотничья собака';
- 6) *прöмышляйтан пон* 'охотничья собака'.

Как свидетельствуют рассмотренные примеры, они образованы по двум структурным моделям:

а) модель «прилагательное + существительное»: *борзöй пон* 'борзая собака', *войвыкса лайка* 'северная лайка';

б) модель «причастие + существительное»: *вөралан пон* 'охотничья собака', *кöчальсь пон* 'гончая собака', *кыйсян пон* 'охотничья собака', *прöмышляйтан пон* 'охотничья собака'.

Подгруппа третьего типа структурных единиц, представляющих собой трёхчленные составные единицы:

- 1) *кöинö кутчысян пон* 'волкодав';
- 2) *кöч кьян пон* 'гончая собака';
- 3) *ошкö кутчысян пон* 'медвежатник';
- 4) *ош кьян пон* 'медвежатник';
- 5) *ур кьян пон* 'лайка';
- 6) *утка кьян пон* 'спаниель'.

Все примеры данной группы образованы по единой модели «существительное + причастие + существительное»: *кöинö кутчысян пон* 'волкодав', *ош кьян пон* 'медвежатник', *ур кьян пон* 'лайка' и т. д.

Подгруппа четвёртого типа структурных образований, представляющих собой пятичленные названия, состоит из одной номинативной единицы *нюр выв пöтка кьян пон* 'леговая собака', которая составлена по структурной модели «существительное + послелог + существительное + причастие + существительное».

Следует отметить, что в качестве основного (определяемого) компонента в составных названиях выступает одно единственное слово *пон* ‘собака’. Все остальные слова, стоящие перед ним, указывают на принадлежность обозначаемых субъектов к соответствующей породе или отражают их функциональное предназначение.

III. Происхождение обозначений субъектов охотничьего промысла в коми языке.

В данном разделе производится классификация материала без разграничения на обозначения главного и вспомогательного субъектов. Подавляющее большинство обозначений субъектов охотничьего промысла относится к исконному фонду коми языка, иноязычное происхождение имеет небольшое число названий. Исконный фонд обладает двумя компонентами древней лексики – прафинно-пермским и пракоми.

Из финно-пермского праязыка, возникшего после завершения прафинно-угорской эпохи, и просуществовавшего с конца III тыс. до середины II тыс. до н. э. [8, 433], унаследовано одно слово, обозначающее вспомогательного субъекта, *пон* ‘собака’, кп. *пон* ‘собака’ [3, 356], удм. *пуны* ‘собака’ [23, 55] < общеп. **röni* ‘собака’ [7, 224] < ф.-п. **rene* ‘собака’ [25, 371]. Генетические соответствия имеются в таких дальнеродственных языках, как в финском, эстонском, саамском, марийском и мордовских.

Охотничья лексика пракоми происхождения характеризуется тем, что её формирование происходило после распада прапермской языковой общности и расхождения предков коми с удмуртами, т. е. в период от IX до XI в. н.э. [6, 25]. Поэтому этот разряд лексических единиц встречается в основном в двух северных пермских языках – в коми-зырянском и коми-пермяцком. Генетические соответствия им в удмуртском языке отсутствуют.

Примеры однословных названий пракоми происхождения:

1) кз. *вөральсь* ‘охотник’ [4, 121], кп. *вөралісь* ‘охотник’ [3, 83] < прак. **vtralis* ‘охотник’.

2) кз. *кыйысь* ‘охотник’, *кыйсьысь* ‘охотник’ [4, 330], кп. *кыйісь* ‘охотник’, *кыйсісь* ‘охотник’ [3, 209] < прак. **kijis*, *kijis’is* ‘охотник’. Производящая основа этих коми слов *кый-* ‘ловить, поймать, охотиться’, имеющая этимологические соответствия в хантыйском, мансийском и венгерском языках, возводится к ф.-у. **kijW-* (**k0jW-*) ‘следовать, следовать, преследовать’ [25, 155].

3) кз. *кӧчалысь* ‘охотник на зайцев’ [4, 308], кп. *кӧчалісь* ‘охотник на зайцев’ < прак. **kWC’alis* ‘охотник на зайцев’.

Что касается происхождения составных названий, то часть из них семантически и структурно также полностью совпадает в современных коми языках, соответственно, можно считать, что они, как и однословные названия, унаследованы из пракоми языка. Такие примеры имеются в обеих подгруппах обозначений субъектов охотничьего промысла:

1) кз. *ош кыйысь* ‘медвежатник, охотник на медведя’, кп. *ош кыйісь* ‘медвежатник, охотник на медведя’;

2) кз. *сьӧла кыйысь* ‘охотник на рябчиков’, кп. *сьӧла кыйісь* ‘охотник на рябчиков’;

3) кз. *ур кыйысь* ‘охотник на белок’, кп. *ур кыйісь* ‘охотник на белок’;

4) кз. *вӧралан пон* ‘охотничья собака’ [4, 514], кп. *вӧралан пон* ‘охотничья собака’ [3, 356];

5) кз. *кыйсян пон* ‘охотничья собака’ [4, 592], кп. *кыйсян пон* ‘охотничья собака’ [3, 210].

Следует отметить, что имеющиеся в удмуртском языке соответствия с коми обозначениями этимологически не связаны, ср. *гондыр кутылісь* ‘медвежатник (охотник)’ [19, 435], *пӧйшуурась пуны* ‘охотничья собака’ [23, 559].

По своему происхождению самый поздний слой составляют собственно коми-зырянские лексические единицы. Отличительной особенностью данной категории обозначений является то, что они употребляются только в речи носителей современного коми-зырянского языка, на территориях проживания других родственных народов, в том числе коми-пермяков, не встречаются.

Группа собственно коми-зырянских образованной состоит из следующих обозначений:

1) *лэчтуясьысь* ‘охотник, применяющий силки и ловушки»;

2) *вӧрпорсь кыйысь* ‘охотник на кабана’;

3) *сан кыйысь* ‘охотник на росомаху’;

4) *кӧинӧ кутчысян пон* ‘волкодав’ [4, 98];

5) *кӧчалысь пон* ‘гончая собака’ [4, 381];

6) *кӧч кыян пон* ‘гончая собака’ [4, 514];

7) *нюр выв пӧтка кыян пон* ‘легавая собака’;

8) *ошкӧ кутчысян пон* ‘медвежатник’ [4, 422],

6) *ош кыян пон* ‘медвежатник’ [4, 422].

7) *ур кыян пон* ‘лайка’.

IV. Заимствования в составе обозначений субъектов охотничьего промысла.

Анализируемая микросистема лексики охотничьего промысла коми языка характеризуется

наличием лишь одного типа заимствований – названиями русского происхождения.

Часть имеющихся примеров свидетельствует о том, что не исконное обозначение полностью совпадает с исходным русским словом: *лайка* ‘лайка’ [4, 343] < рус., ср. *лайка* ‘порода охотничьих промысловых собак’ [22, II, 161].

В некоторых случаях в коми языке произошла фонетическая и морфологическая адаптация иноязычных названий:

1) *прöмышленник* ‘промысловик’ [4, 53] < рус., ср. *промышленник* ‘ловцы и лесники, звероловщики охотники’ [2, 498];

2) *прöмышляйтись* ‘промысловик’ [4, 770] < рус., ср. *промышлятник* ‘охотник, промышляющий зверя’ [21, 194].

3) *гончöй* ‘гончая’ [4, 147] < рус., ср. *гончая* ‘быстрый в беге, приученный гнать зверя (о породе охотничьих собак)’ [22, I, 331].

Следующие заимствования отличаются от предыдущих примеров тем, что употребляются в коми языке не самостоятельно, а в сочетании с исконными словами:

1) *зверь кыйысь* ‘охотник на зверя, зверолов’ [4, 330]: *зверь* ‘зверь’ < рус. *зверь* ‘дикое, обычно хищное животное’ [22, I, 602], *кыйысь* ‘охотник’ < прак.

2) *прöмышляйтан пон* ‘охотничья собака’ [5, 535]: *прöмышляйтан* ‘промысловый’ < рус., ср. *промышленная собака* ‘охотничья собака’ [2, II, 498], *пон* ‘собака’ < ф.-п.

3) *утка кьян пон* ‘спаниель’: *утка* < рус., ср. *утка* ‘водоплавающая птица с широким плоским клювом, короткой шеей и короткими широко расставленными ногами’ [22, IV, 533], *кьян* прич. от слова *кыйны* ‘ловить; охотиться’, *пон* ‘собака’.

Обсуждение и заключение

В итоге следует сказать, что рассмотренная в статье лексико-тематическая группа номинативных единиц обладает такими предметно-понятийными, семантическими и структурно-словообразовательными признаками, которые позволили выделить её в отдельную микросистему в составе лексики охотничьего промысла коми языка. Исследование показало, что подавляющее большинство названий данной микросистемы относится к исконному фонду словарного состава, формирование и развитие которого происходило в течение многих тысячелетий. Древний фонд обозначений субъектов охотничьего промысла представлен названиями прафинно-пермского и пракоми происхождения. Часть обозначений собственно коми-зырянского происхождения характеризуется использованием как морфологических (одночленные названия), так и синтаксических (многочленные названия) способов словообразования. Иноязычный компонент занимает незначительное место, он сложился из небольшого числа заимствований из лексики русского литературного языка и соседних русских народных говоров.

Сокращения

кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, общеп. – общепермский язык-основа, прак. – пракоми язык, рус. – русский язык, удм. – удмуртский язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык.

Список источников и литературы

1. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX–XX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 393 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 1989. Т. 2. 779 с.; 1990. Т. 3. 555 с.
3. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз. 1985. 624 с.
4. Коми-роч кывчукöр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 2000. 816 с.
5. Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М.: Наука, 1983. 247 с.
6. Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 1957. 136 с.
7. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 1999. 430 с.
8. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.
9. Основы финно-угорского языкознания (марийские, пермские и угорские языки). М.: Наука, 1976. 464 с.
10. Пекшеева Э. И. Историко-генетический анализ некоторых названий охотничьих ловушек в марийском языке // Финно-угроведение. 2019. № 60. С. 18–23.
11. Ракин А. Н. Генезис метеорологической лексики коми языка // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 45–52.
12. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Севернорусские говоры. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2018. Вып. 17. С. 107–122.

13. Ракин А.Н. Лексика лугового ландшафта в удмуртском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2020. № 1. С. 84–90.
14. Ракин А. Н. Обозначения рыболовных средств в удмуртском языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина. 2017. С. 243–250.
15. Ракин А. Н. Обозначения лесного ландшафта в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2020. Vol. 56. № 1. С. 45–52.
16. Ракин А. Н. Формирование коми метеорологической лексики // Родные языки в условиях двуязычия: сб. материалов V Международного науч.-практ. конференции (25-26 октября 2018 г.). Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГС и У, 2019. С. 315–321.
17. Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. Т. 2. 576 с.
18. Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.
19. Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1360 с.
20. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: изд.-во АН СССР. 1963. 392 с.
21. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1998. Вып. 32. 271 с.
22. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под редакцией А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 698 с.; Т. 2, 1982, 736 с.; Т. 4. 1984, 174 с.
23. Удмуртско-русский словарь. Ижевск: УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с.
24. Kalima J. Die russische Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors: SUST, 1900. 187 p. (Серия «Suomalais-ugrilainen Seuran Toimituksia = Memories de la Societe Fenno-ougrienne», № 29).
25. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. Band 1-2. 906 p.
26. Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938. 198 p.
27. Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1924. XVI. Heft 2–3. pp. 64–104.
28. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987. 422 p.

References

1. Belitser V. N. *Oчерки по этнографии народов коми. XIX – XX в.* [Essays on the ethnography of the Komi people. XIX – early XX centuries]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1958. 393 p. (In Russian)
2. Dal V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1989. Vol. 2. 779 p.; 1990. Vol. 3. 550 p. (In Russian)
3. *Komi-permjatsko-russkij slovar'* [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1985. 624 p. (In Permian, Russian)
4. *Komi-roch kyvchukör* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2000. 816 p. (In Komi, Russian)
5. Konakov N. D. *Komi ohotniki i rybolovy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Komi hunters and fishers in the second half of the XIX – early XX century]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 247 p. (In Russian)
6. Lytkin V. *Istoriceskaja grammatika komi jazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1957. 136 p. (In Russian)
7. Lytkin V., Gulyev Y. *Kratkij etymologičeskij slovar' komi jazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1999. 430 p. (In Komi, Russian)
8. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov)* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of Finno-Ugric languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 484 p. (In Russian)
9. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (marijskie, permskie u ugorskie jazyki)* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (Mari, Permian and Ugric languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 464 p. (In Russian)
10. Peksheeva E. I. *Istorico-geneticseskij analiz nekotoryh nazvanij ohotniscih lovushek v marijskom jazyke* [Historical-genetic analysis of some hunting traps in the Mari language]. *Finno-ugrovedenije* [Finno-Ugric Studies], 2019, no. 60, pp. 18–23. (In Russian)
11. Rakin A. N. *Genesis meteorologičeskoj leksiki komi jazyka* [Genesis of meteorological vocabulary of the Komi language]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2016, no. 4, pp. 45–52. (In Russian)
12. Rakin A. N. *Gidrolandschaftnaya leksika komi jazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Komi language]. *Severno-russkij govory* [Northern Russian dialects]. Saint-Petersburg: ILI RAN Publ., 2018. Issue 17. pp. 107–122. (In Russian)
13. Rakin A. N. *Leksika lugovogo landshafta v udmurtskom jazyke* [Vocabulary of the meadow landscape in the Udmurt language]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2020, no. 1, pp. 84–90. (In Russian)
14. Rakin A. N. *Oboznacsenija rybolovnyh sredstv v udmurtckom jazyke* [Designations of fishing tools in the Udmurt language]. *Permistica-16: Dialekty i istoria permских jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami: sbornik statej*

- [Permistika-16: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: collection of articles]. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina Publ., 2017. pp. 243–250. (In Russian)
15. Rakin A. N. *Oboznacsenija lesnogo landcshafta v komi jazyke* [Designations of forest landscapes in the Komi language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2020, no. 56 (1), pp. 45–52. (In Russian)
16. Rakin A. N. *Formirovanie komi meteorologicheskoy leksiki* [Formation of Komi meteorological vocabulary]. *Rodnye yazyki v usloviyah dvuyazychiya: sb. materialov V Mezhdunarodnogo nauch.-prakt. konferencii (25–26 oktyabrya 2018 g.)* [Native languages in conditions of bilingual: collection of materials of the V International scientific-practical conference (October 25–26, 2018)]. Syktyvkar, 2019. pp. 315–321. (In Russian)
17. *Respublica Komi: Enciclopedia* [The Komi Republic: Encyclopedia]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1999. Vol. 2. 576 p. (In Russian)
18. *Russko-komi slovar'* [Russian-Komi dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2003. 1104 p. (In Russian, Komi)
19. *Russko-udmurt'skij slovar'* [Russian-Udmurt dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoje izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1956. 1360 p. (In Russian, Udmurt)
20. Serebrennikov B. A. *Istoric'seskaja morfologija permskih jazykov* [Historical morphology of Perm languages]. Moscow: izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 392 p. (In Russian)
21. *Slovar' russkih narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1998. Vol. 32. 271 p. (In Russian)
22. *Slovar' russkogo jazyka: v 4 tomah* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Ed. by A. P. Yevgenyeva. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981. Vol. 1. 698 p.; Vol. 2. 1982. 736 p.; Vol. 4. 1984. 794 p. (In Russian)
23. *Udmuryško-russkij slovar'* [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IGAL UrO RAN Publ., 2008. 925 p. (In Udmurt, Russian)
24. Kalima J. *Die ruussische Lehnwörter im Syrjänischen*. Helsingfors: SUST, 1900. 187 p. (Seriya «Suomalais-ugrilainen Seuran Toimituksia = Memories de la Societe Fenno-ougrienne», no. 29). (In Finnish)
25. Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. Band 1. 2906 p. (In German)
26. Uotila T. E. *Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938. 198 p. (In German)
27. Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1924, XVI, Heft 2–3, pp. 64–104. (In German)
28. *Wotjakischer Wortschatz*. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987. 422 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ракин Анатолий Николаевич, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук.

anatolij.rakin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3371-3560

ABOUT THE AUTHOR

Rakin Anatoly Nikolaevich, Chief Researcher of the Language Sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Doctor of Philological Sciences.

anatolij.rakin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3371-3560